

ДНЕВНИКЪ КОННО-АРТИЛЕРИСТА РУЩУКСКАГО ОТРЯДА.

(Статья третья) ¹⁾.

2-го августа. Приѣзжалъ генераль Ванновскій, предупреждалъ, чтобы были готовы къ нападенію 5-го августа.

6-го августа. — Ишь, ишь, черномазые, какіе!

— А мальчикъ-то какой!

Послышались эти возгласы солдатъ; видно было кого-то привели; я вышелъ изъ палатки; стояла цѣлая группа какихъ-то фигуръ, охраняемыхъ двумя казаками; ихъ окружала цѣлая толпа солдатъ, съ любопытствомъ разсматривавшая странную группу.

Тутъ были двѣ семьи: стояло два турка въ синихъ чалмахъ, двѣ турчанки, завернутыя въ покрывала и четверо дѣтей. До сихъ поръ завернутыхъ въ покрывала женщинъ я видалъ только на картин-

¹⁾ См. «Воен. Сб.» 1903 г. № 10.

кахъ и мнѣ казалось, что это очень красиво; хороша безъ сомнѣнія и въ натурѣ стройная, красивая женщина, завернутая въ пышное покрывало, позволяющее, однако, видѣть огненные глаза и маленькія ножки; но то, что было предо мной, право, совсѣмъ было не красиво и составить себѣ понятіе объ этомъ очень легко: представьте маленькую, сморщенную, черномазую женщину въ грязныхъ шароварахъ и въ грязной же простынѣ, накинутой на голову. Куда какъ красиво! Другая была нѣсколько лучше. Всѣ были перепуганы, женщины даже не закрывали лицъ, и покрывала ихъ прямо висѣли; одни только дѣти, ничего не понимая, съ любопытствомъ разсматривали подходившихъ уланъ, назначенныхъ для ихъ конвоя. Дѣти—чистые цыганята: такіе же черные, грязные, красивые, такъ же и оборваны, тѣ же рубашенки, разодранныя до низу и не скрывающія смугленькаго, упругаго тѣла. Изъ разсказовъ выяснилось, что они уже 35 дней живутъ въ лѣсу, скрываясь какъ дикіе звѣри.

Завтра рѣшились произвести рекогносцировку. Отрядъ для этого назначенъ очень порядочный—уланскій Бѣлгородскій полкъ, наши два взвода (третій стоитъ въ Соленикѣ) и, кажется, еще два батальона; цѣль этого—побезпокоить турокъ, дать знать о себѣ, а то уже долго застоялись. Направленіе рекогносцировки—къ Разграду; продолжаться она будетъ три дня; отрядъ вернется опять на это же мѣсто, поэтому все лишнее, всѣ обозы оставляемъ здѣсь и идемъ совершенно налегкѣ.

— А между молодыми офицерами нужно бросить жребій: кому тутъ оставаться съ ящиками,—сказалъ за обѣдомъ командиръ.

Жребій выпалъ мнѣ.

Два нашихъ офицера, въ томъ числѣ самый старшій, теперь въ Бухарестѣ, но они должны вернуться завтра, только уже послѣ того, какъ двинется батарея. Завтра предполагается дойти только до Карахонсана и тамъ ночевать, а уже послѣ завтра—рекогносцировка, а на третій день домой.

— Ж., — сказалъ командиръ про одного изъ офицеровъ, котораго ждали, обращаясь ко мнѣ,—навѣрно приѣдетъ, ну, а Р. (другой—старшій) можетъ быть послѣ дороги и останется, такъ, еслибы онъ остался, то вы можете, если хотите, поѣхать съ Ж.

7-го августа, утро 6 часовъ. — Такъ вы, Богаевскій, остае-
тесь?—спросилъ командиръ.

Я отвѣтилъ, что жребій выпалъ мнѣ.

— Я васъ попрошу зайти ко мнѣ на минуту, вотъ я сейчасъ умоюсь.

Я зашелъ въ палатку, мнѣ были даны деньги на случай расхода, сообщены нѣкоторые указанія на счетъ того, другого.

— Такъ, если кто пожелаетъ изъ васъ насъ догнать, то, пожалуйста, только завтра; послѣ завтра не пытайтесь: мы будемъ Богъ знаетъ гдѣ.

Слѣва отъ нашего бивака стояли уланы; ихъ эскадроны уже выстроились, ждутъ, пока и мы будемъ готовы. Вотъ и наши уже всѣ на коняхъ, вотъ все потянулось по дорогѣ, а я одинъ остаюсь среди зарядныхъ ящиковъ. Ужасно неприятно. Еще очень рано, солнце невысоко надъ горизонтомъ, въ воздухѣ сыро. Подожду нашихъ изъ Бухареста, если приѣдутъ сегодня, то, пожалуй, и я поѣду; они должны приѣхать часа въ два.

Налѣво отъ нашего бивака—Аблава, направо, въ лоцинкѣ, Кацелева. Аблава совершенно турецкая деревня и совершенно пуста; крыша минарета ярко блеститъ отъ солнца. Кацелева—болгарская, тамъ есть прекрасная церковь, хотя все-таки сохраняющая типъ простого дома, и хорошій священническій домъ; интересно было смотрѣть, когда я проѣзжалъ черезъ деревню съ уланскимъ священникомъ и остановился на минуту, какъ встрѣтились и съ какимъ любопытствомъ осматривали другъ друга нашъ и болгарскій священники.

Пока мы тутъ стоимъ, къ намъ на бивакъ приходитъ масса болгаръ, предлагающихъ, конечно, за деньги, то «ляпъ» (хлѣбъ), то «кавуны» (дыни), то «дыни» (арбузы). Обыкновенно они располагаются около нашей палатки, садятся на землю, и мы заводимъ разговоры; они удивляются, что у насъ такіе молодые «юзь-баши», т. е. офицеры, тогда какъ у турокъ юзь-баши сердитые и старые. Въ самомъ дѣлѣ въ нашей палаткѣ насъ трое и самый старшій, Ш., которому всего 20 лѣтъ.

Между приходящими болгарамъ большинство бѣглецы изъ мѣстностей, занятыхъ турками; они отъ нихъ удираютъ и размѣщаются по деревнямъ, занятымъ уже русскими; нужно видѣть, съ какимъ равнодушнымъ видомъ рассказываютъ они о своихъ несчастіяхъ. Тотъ совершенно равнодушно сообщаетъ, что онъ изъ деревни, которая вся сожжена, другой говоритъ, что онъ «бѣгалъ» отъ турокъ, когда тѣ налетѣли и стали рѣзать, но что у него «только» одного родственника зарѣзали, а самъ спасся, другой показы-

васть изрѣзанныя руки; видно, что его не то что рѣзали, а «пытали».

Мы стоимъ здѣсь такъ, что съ одной стороны у насъ уланы, съ другой—штабъ дивизіи; теперь пріѣхала телеграфная карета и по-мѣстилась около штаба; въ каретѣ телеграфный аппаратъ; проволока уже проведена, она укрѣплена на шестахъ, и телеграфное сообще-ніе готово. Наши топографы разѣзжаютъ по мѣстности уже занятой и составляютъ болѣе подробную карту; мы же стоимъ и все ждемъ извѣстій, особенно интересуясь, что-то подь Плевной?

Уже поздно, а Р. и Ж. нѣтъ; стало быть я уже не поѣду догнать отрядъ. Что-то теперь наши дѣлаютъ? Будетъ-ли у нихъ дѣло? Каковы результаты? Это меня ужасно интересуетъ; имъ приказано не завязывать бой, а только побезпокоить турокъ и уйти назадъ, но вѣдь легко можетъ завязаться дѣло; хотя бы всѣ цѣлы были!— Съ нетерпѣніемъ жду ихъ возвращенія, то-то будетъ рассказовъ!

10-го августа. Сегодня вернулись наши съ рекогносцировки; ничего у нихъ не было интереснаго и они не встрѣтились съ турками, такъ что я былъ очень доволенъ, что не пришлось поѣхать; эти дни я, хотя былъ и одинъ, но вовсе не скучалъ—все время занимался. Теперь я устроился въ палаткѣ очень удобно: у меня кушетка, замѣняющая кровать, стулъ, а Ж. привезъ мнѣ хорошенькій складной столикъ; мы возимъ вещи, не стѣсняясь ихъ количествомъ, такъ какъ у насъ 7 офицеровъ и докторъ, всего 8 человекъ, а для вещей двѣ фуры, каждая въ четверку, такъ что на нашу палатку, т. е. на меня, Ш. и на доктора приходится цѣлая фура.

Въ концѣ іюля, когда мы стояли около Соленика, въ цѣпи замѣтили что-то странное: со стороны турокъ ѣхала какая-то группа съ человекѣмъ впереди, который все время махалъ какою-то тряпкой; очевидно,—это былъ парламентаръ. Изъ нашей цѣпи навстрѣчу къ нимъ сейчасъ же выѣхалъ постъ; тѣ, вдругъ, повернули назадъ и скрылись за бугромъ; чрезъ нѣсколько времени снова оттуда показались, только на этотъ разъ ихъ было всего трое. Имъ завязали глаза и повели въ главный карауль, а оттуда къ начальнику отряда. Въ числѣ этихъ трехъ былъ турецкій пѣхотный офицеръ и солдатъ, хорошо говорившій по-русски. Они передали бумагу, содержаніе которой можетъ быть формулировано такъ: «уважайте нашу «красную луну» и мы будемъ уважать вашу «красный крестъ». Этотъ офицеръ не отличался элегантною манерою и болѣе всего интересовался стоимостью различныхъ вещей, какъ-то рейтузъ и т. п. Его накормили и такимъ же порядкомъ отправили

назадъ. Бумага была передана въ штабъ сначала корпуса, а тамъ и дальше. Нужно было отвезти отвѣтъ; охотникомъ вызвался драгунскій адъютантъ Марченко, прекрасно говорившій по-французски, нѣмецки и по англійски. Конвоемъ для него были выбраны два бравыхъ солдата на красивыхъ коняхъ. Предпріятіе было очень рискованное, такъ какъ до турецкой цѣпи имъ приходилось порядочно ѣхать по дорогѣ къ Разграду, гдѣ ихъ могли легко захватить баши-бузуки. Все время одинъ солдатъ трубилъ, а другой держалъ наготовѣ бѣлый флагъ. Въ турецкой цѣпи ихъ приняли, приказали снять оружіе и повели въ палатку къ пашѣ, но, немного не доходя до палатки, турки вспомнили, что позабыли завязать имъ глаза. Эта ошибка была сейчасъ же исправлена и чтобы скрыть дорогу, ихъ обвели нѣсколько разъ вокругъ палатки наши. Послѣдній оказался очень любезнымъ господиномъ; между прочимъ, показалъ чудесный нессесеръ.

— «Это мнѣ подарокъ изъ Англии»,—сказалъ онъ. Марченко замѣтилъ, что эта прекрасная вещь, быть можетъ, будетъ его. Паша, заявивъ на это, что все можетъ быть, добавилъ: — А что, какимъ я васъ теперь угощаю чаемъ, вы не узнаете? — Какимъ? изумленно спросилъ собесѣдникъ.— А это тотъ самый чай, который былъ найденъ въ гусарской фурѣ». Надо сказать, что Ахтырскимъ гусарамъ, какъ-то во время рекогносцировки, пришлось бросить фуру, которая сломалась. Марченко освѣдомился также о судьбѣ лошадей, шарахнувшихся 28-го іюня.

— «Прекрасныя лошади, прекрасныя»,—замѣтилъ паша: — «теперь они у насъ въ Руцукѣ, въ упряжи ходятъ».

На одно, на что могъ пожаловаться Марченко, это на то, что его, кромѣ гусарскаго чая, ничѣмъ не угощали. Марченко тамъ и ночевалъ; ему устроили прекрасную постель; но не могъ долго заснуть: ѣсть хотѣлось, а у сыновъ Аллаха, кажется, не заведено ужинать по русскому обычаю. На обратный путь ему назначили полъ-эскадрона гусаръ, «такъ какъ, прибавилъ паша, мы не ручаемся за вашу цѣлость: баши-бузуки и черкесы это наше горе!» Унтеръ-офицеру, конвоирующему его, было сказано, что онъ отвѣчаетъ жизнью за «одинъ волосъ» съ головы парламентаря.

Отвѣтъ, посланный туркамъ, скоро сдѣлался намъ всѣмъ извѣстенъ: во всѣ части былъ разосланъ приказъ по Руцукскому отряду, мысль котораго—удерживаться отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ всего носящаго знакъ красной луны, «однако-жъ,

было добавлено, если этимъ знакомъ будутъ злоупотреблять, то обо всякомъ такомъ случаѣ доносить».

Марченко представленъ къ ордену.

Стоимъ все у той же Аблавы, ждемъ, когда подойдутъ подкрѣпленія и взявъ Плевну, о которой тяжело вспоминать, начнуть наступленіе за Балканы.

14-ю августа. Сегодня былъ полученъ приказъ—снять на карту участокъ между Ломомъ и его правымъ притокомъ Бѣлымъ Ломомъ; этотъ участокъ былъ раздѣленъ на три части, одна для драгунскаго полка, другая для уланскаго, а третья для насъ. Съемку нашего участка баронъ Майдель поручилъ мнѣ, Ш. и Х. Мы раздѣлили участокъ на три части, бросили между собой жребій и отправились на работу. Очень рано утромъ мнѣ подали лошадь, я положилъ въ кобуры сыръ, хлѣбъ, револьверъ, взялъ карту мѣстности, и вдвоемъ со стремяннымъ отправился въ путь. Я рассчитывалъ пробыть въ дорогѣ цѣлый день, тѣмъ болѣе, что мнѣ попалась глухая мѣстность, которая на карту была нанесена не полно: не видно было ни направленія дорогъ между пунктами, да и самыя деревни были или невѣрно нанесены или совсѣмъ пропущены. Мы, конечно, не обязаны были, да и не могли снять точно мѣстность, но нужно было произвести «глазomѣрную съемку», т. е. снять дороги и пополнить ихъ тѣми подробностями, которыхъ не было на картѣ. Поэтому со мной ничего, кромѣ карандаша, бумаги, карты и компаса, не было. Мои ожиданія подтвердились: мнѣ пришлось до самаго вечера рыскать по мѣстности. Я побывалъ въ нѣсколькихъ деревняхъ, — турецкихъ, черкесскихъ, болгарскихъ; приходилось, разыскивая дороги, удобныя для движеній артилеріи, много кружиться около однихъ и тѣхъ же пунктовъ. Подъ конецъ и я и лошадь желали поскорѣе вернуться на бивакъ, гдѣ меня ждала хорошая постель и ужинъ, а лошадь «торба».

Вездѣ, по сторонамъ отъ дорогъ, видны были болгары, убиравшіе хлѣбъ. Этотъ годъ, какъ говорили, особенно урожайный. Къ уборкѣ они примѣняли самые первобытные способы: молотили или просто палками, или же по разсыпанному хлѣбу ѣздили съ «каруцами» (повозки); вѣяли, конечно, лопатами. Весь день я питался зеленою, такъ какъ по дорогамъ пропасть грушъ (простыхъ), кизила, ежевики, волоскиихъ орѣховъ, а мѣстами, еще зеленого винограда. Въ одной деревнѣ я остановился отдохнуть на дворѣ у болгарина; лошадямъ стремянной далъ овса (мы по старой привычкѣ называемъ кормъ, который даемъ лошадямъ, «овсомъ», тогда

какъ съ переходомъ чрезъ границу лошади питаются ячменемъ), самъ я залѣзъ въ сарай, улегся на солому и принялся уписывать за обѣ щеки «красовицы» (огурцы).

Знаете, какъ называется по-болгарски женщина? — «Булкой!» Обыкновенно, когда разговорись съ болгаринимъ, то онъ повѣстуетъ: «турокъ» «всички», т. е. все забралъ: и буюво (буйволы), и кони, и магаро (ослы), всички забра и бѣгаль». — А «булки» не забиралъ? — Малко забравъ, т. е. взялъ, но немного. Знаете какъ по-турецки человекъ? — Адамъ!

Какія здѣсь прелестныя деревни: я ни одной еще не встрѣчалъ убогой, нищенской, а вездѣ хорошенькіе двухъ-этажные домики, крытые черепицей, дворики, обнесенные каменными оградами, засаженные тѣнистыми деревьями. На обратномъ пути я проѣзжалъ чрезъ деревню Новоселовку (Леникой), всѣ мужчины были въ полѣ, а оставшійся женскій персоналъ собрался у водоема, который я уже описывалъ, и который здѣсь особенно былъ хорошъ. Группы, которыя здѣсь образовались, были очень живописны: нѣкоторыя брали воду, другія собрались, вѣрно, чтобы потолковать о новостяхъ дня, маленькіе мальчишки лежали наверху и смотрѣли внизъ на журчащую воду, въ сторонѣ были видны болгарки съ полными ведрами. Ведра тутъ особенныя: жестяныя, невысокія, но широкія и съ закругленными концами. Чтобы попить лошадей, а, отчасти, посмотреть на болгарокъ, я подѣхалъ къ водоему. Красивыхъ между ними не было, только «подростки» были красивы. Всѣ, вообще, сторонились. На пути я только разъ повстрѣчалъ дѣйствительно красавицу: она шла около фуры съ хлѣбомъ, и, представьте себѣ, курила трубку, а на фурѣ лежалъ ея мужъ. Я удивляюсь, какъ это при всѣхъ тѣхъ жалобахъ противъ турецкаго правительства, которыя я постоянно слышалъ, какъ, повторяю я, могли появиться эти хорошенькія деревушки, указывающія на извѣстную зажиточность? Что матеріально они не нуждались, видно уже изъ того, что какого бы болгарина вы не спросили, онъ вамъ скажетъ, что когда «турокъ бѣгаль», то позабиралъ у него скоть, а, стало быть, раньше, когда «турокъ не бѣгаль», скоть у нихъ былъ. Наружность деревень тоже никакъ не наводитъ на мысль о бѣдности, а особенно о нищетѣ. Еще меня удивляло: въ деревняхъ черезъ всякій ручей, черезъ всякій оврагъ, болѣе или менѣе значительный и препятствующій сообщенію, устроены хорошенькіе каменные мостики. А эти прелестныя водоемы, всѣ выстроенные какъ бы по одному образцу, кто ихъ строилъ?

Что касается, вообще, дорогъ, по которымъ мнѣ пришлось ѣздить, то я могу сказать, что кромѣ шоссе отъ Систова до Русука, которое, за исключеніемъ небольшой части его у Систова, очень недурно, всѣ остальные дороги проселочныя не лучше и не хуже нашихъ.

Вернулся домой я вечеромъ и съ наслажденіемъ отдохнулъ.

16-го августа. Сегодня срокъ подавать съемки; мы соединили наши чертежи и отнесли въ штабъ дивизіи.

19-го августа. Сегодня перешли на новый бивакъ, стали ниже 9-ти-фунтовыхъ батарей, расположенныхъ въ виноградникахъ подъ Аблавой.

20-го августа. Со вчерашняго дня стали прибывать, спасаясь отъ неистовства турокъ, болгары съ повозками, скотомъ, со всѣмъ имуществомъ; они располагаются таборами ввиду нашихъ позицій въ долину Лома. Теперь тутъ собралось до 500 человѣкъ. У насъ очень грустный случай: все это время, какъ наши, такъ и уланскіе фуражиры ѣздили за сѣномъ въ Новосело, Амуркію и т. п. Когда узнали, что Амуркію заняты турками, а про Новосело того же не было слышно, то за сѣномъ отъ уланъ послали вчера двухъ солдатъ въ фурѣ, на волахъ, въ деревушку Огарчинъ, порядочно не доѣзжая до Новосело; туда же сегодня поѣхалъ и нашъ фуражиръ; и что же онъ тамъ видитъ: «и лежитъ, говорить, одинъ уланъ безъ головы, а другой на три части разрубленъ». Это ужасно! Сегодня полученъ приказъ Главнокомандующаго — «держаться и ни шагу не уступать», это очень опредѣленно и такъ какъ подъ его командой русскія войска, то это и будетъ исполнено. Ахъ, если бы скорѣй покончить на правомъ флангѣ у Плевны и потомъ опять бы сразу двинуться; это замедленіе на мѣсяцъ подняло духъ у турокъ и они осмѣливаются наступать. Хотѣли было выбить изъ Шипки, но это не удалось: ходили около 10-ти разъ на приступъ и ничего не добились, а оставили нѣсколько тысячъ труповъ; у насъ тоже потери большія, и раненъ въ ногу генераль Драгомировъ; примѣру Сулеймана хочеть послѣдовать, кажется, и Мехметъ-Али, собирается, кажется, наступать; но теперь у насъ прямо и опредѣленно — «держаться и ни шагу дальше».

21-го августа. Сегодня утромъ вернулся драгунскій полкъ и взводъ Леонова. Три недѣли взводъ стоялъ отдѣльно отъ батареи впереди Соленика вмѣстѣ съ драгунскимъ полкомъ. Последнее время, когда у Кадикію и Садины шли бои, они каждую минуту ожидали тревоги, поэтому днемъ лошади были осѣдланы, орудія заря-

жены; когда 19-го августа Кадикію и Садина были заняты турками, когда такимъ образомъ Соленикъ очутился между двухъ огней, то ихъ тревожное состояніе усилилось настолько, что драгуны отправили всѣ свои обозы; приходилось варить пищу въ маленькихъ солдатскихъ котелкахъ, офицеры спали на голой землѣ подъ открытымъ небомъ. Эти три недѣли Леоновъ самъ заботился о приобрѣтеніи для себя фуража: ячмень покупался у болгаръ изъ села Констанцо, а сѣно брали изъ пещеръ по Лому и доставляли его на болгарскихъ подводахъ.

22-го августа. Сегодня изъ штаба дивизіи получено приказаніе: въ виду ожидаемаго завтра нападенія выслать 1 эскадронъ уланъ и 1 взводъ отъ батареи для занятія Кропчи. Съ отрядомъ поѣхалъ штабсъ-капитанъ Воеводичъ; прибывши на мѣсто, Воеводичъ послалъ записку въ штабъ дивизіи съ донесеніемъ, что посланный отрядъ, въ условіяхъ данной мѣстности, не будетъ въ состояніи удержать наступленіе на этотъ пунктъ. Изъ штаба сейчасъ же было послано приказаніе вернуться назадъ.

23-го августа. Съ утра ничто не предвѣщало, чтобы сегодняшній день выдѣлился чѣмъ-нибудь изъ массы другихъ другъ на друга похожихъ дней, проведенныхъ нами послѣ пріостановки наступленія; однако, намъ готовилось преинтересное зрѣлище; зрѣлище, которое должно было послужить началомъ цѣлаго ряда событій.

Около полудня на горизонтѣ замѣтили какое-то движеніе: двигались какія-то массы; одна за другой онѣ выползали изъ-за горизонта и строились въ районѣ нашего бинокля; главный интересъ заключался въ томъ, что это были турки. Разстояніе до нихъ не могло быть менѣе 6—7 верстъ; впрочемъ, скоро отъ этихъ массъ, которыя, вѣроятно, были пѣхота и артилерія, выдвинулись впередъ части поменьше; видно было, какъ онѣ быстро передвигались съ одного мѣста на другое. Очевидно, это была ихъ кавалерія. Она придвинулась къ намъ верстъ на 4—5 и остановилась около опушки лѣса. Отдѣльные всадники носились отъ одной части къ другой. Въ бинокли были видны между ними люди во всемъ бѣломъ — это были недавно прибывшіе изъ Египта арабы; далѣе этой опушки турки не подвигались впередъ, а старались оттуда высмотрѣть наше расположеніе. Въ то время, какъ они, скучившись у лѣса, высматривали насъ, а мы, въ свою очередь, разглядывали ихъ, вдругъ, съ высотъ около насъ, гдѣ были расположены орудія, раздался выстрѣлъ. Мы увидѣли, какъ турки, вдругъ, засуетились около коней, но не успѣли всѣ сѣсть, какъ раздался другой выстрѣлъ. Въ ре-

зультатъ турки карьеромъ скрылись за лѣсною опушкой. За этой сценой наблюдали кучки нашихъ солдатъ; нужно было слышать и видѣть, какъ они смѣялись и радовались, когда увидѣли удирающихъ турокъ.

Этотъ огонь открыла одна изъ батарей, расположенныхъ на высотахъ у Аблавы, а такъ какъ эти батареи были 9-ти-фунтовыя, то неудивительно, что выстрѣлы были удачны. Конечно, развѣзды еще ранѣе насъ замѣтили движеніе турокъ и вотъ мы услышали бѣглую перестрѣлку. Вскорѣ по лоцинкѣ потянулся драгунскій эскадронъ въ подкрѣпленіе къ развѣздамъ и трескотня усилилась. Главныя же силы, какъ ихъ, такъ и наши стояли спокойно. Какъ потомъ рассказывали драгуны, у турокъ было очень много конницы и драгунамъ пришлось отодвинуться влѣво. Немного погодя, въ массахъ замѣтили какое-то движеніе и вскорѣ около того мѣста, гдѣ чересы перестрѣливались съ драгунами, заблестали какія-то точки; конечно, это были орудія, въ чемъ мы скоро убѣдились, услышавъ свистъ гранатъ. Наша Аблавская 9-ти-фунтовая батарея стала отвѣчать, но турецкая батарея скоро снялась съ позиціи и пошла на свое мѣсто: очевидно, турки желали произвести только рекогносцировку, которую и закончили, узнавъ, что оба фланга у насъ обороняются, что на одномъ и на другомъ есть артилерія, но что съ Аблавы очень далеко бьютъ, а слѣва дальнобойныхъ орудій не имѣется. Послѣ отъѣзда батарей все стихло: турки оставались на горизонтѣ, развѣздовъ было не видно, и мы, оставивши бинокли, рассуждали о происшедшемъ и о томъ, какія должны были быть послѣдствія этого скопленія непріятели и только что произведенной рекогносцировки. Мы знали только, что самимъ намъ не наступать, а только обороняться, удерживать за собой позиціи. Когда мнѣло, на горизонтѣ появились бивачные огни, которые слѣпились въ одну общую блестящую полосу.

Ночью сегодня полилъ дождь, дулъ вѣтеръ и была страшная гроза.

24-го августа. Сегодняшній день начался съ того, что насъ рано разбудили и торопили снимать поскорѣе палатки; оказалось, что турки не только не ушли, но прибыли еще новыя массы и у нихъ замѣтно было какое-то движеніе. Видно было, какъ они тянулись влѣво. Получено приказаніе нашей батареи съ уланскимъ Бѣлгородскимъ полкомъ стать въ резервъ.

«Вы», сказали намъ: «снимитесь отсюда и, обойдя эту гору,

станьте въ лоцинкѣ съ уланами; если дѣло не завяжется, то вы тамъ и оставайтесь на бивакѣ».

И такъ мы рассчитывали черезъ полчаса, много черезъ часъ снова разбить палатки и снова «мирно» зажить; основываясь на этомъ, мы ничего съ собой не взяли и у меня, кромѣ непромокаемаго плаща, ничего съ собой на сѣдлѣ не было. Черезъ нѣсколько времени обозы были запряжены, и батарея, вытянувшись длинной лентой, спустилась съ горы. Мы очутились въ лоцинкѣ, выходящей на Ломъ и изъ которой было видно Кацелова. Скаты горъ, образующіе эту лоцину, покрыты лѣсомъ; чрезъ лоцину шла та дорога на Бѣлу, о которой я уже упоминалъ; считали, что эта лоцина была вѣе выстрѣловъ; въ самомъ дѣлѣ, чтобы сюда могли по насъ стрѣлять, нужно было бы туркамъ стрѣлять верстъ на 7; поэтому тутъ же стояли кой-какіе обозы, а влѣво у ската горы приютился, прибывшій на всякій случай, подвижной госпиталь; его пять большихъ палатокъ были поставлены въ рядъ, около нихъ развѣвался флагъ съ женовскимъ крестомъ, въ сторонѣ былъ бивакъ команды санитаровъ; около палатокъ стоялъ длинный рядъ носилокъ. Вообще картина была очень пестрая; тутъ были и уланы, составлявшіе съ нами резервъ, и обозные и чего-чего тутъ только не было. Даже маркитантъ-еврей, натянувши холстъ надъ двумя фурами, любезно приглашалъ насъ подъ сѣнь образовавшейся палатки.

Пока мы, такимъ образомъ, мирно стояли, вдругъ влѣво отъ насъ раздался два одиночныхъ выстрѣла; это было точно сигналъ, послѣ котораго во всѣхъ мѣстахъ показались дымки и буквально загрохотали пушки, затрещали ружья. Стоя въ лоцинкѣ, мы могли наблюдать только за дымомъ, за разрывами гранатъ, за звуками то усиливающейся, то ослабѣвавшей перестрѣлки; первые два выстрѣла раздался около семи часовъ утра; судите же сами, каково должно было быть дѣло, если эти выстрѣлы не умолкали до 6-го часа, т. е. въ теченіе 11-ти часовъ. Сначала эти близкіе выстрѣлы (все больше на лѣвой сторонѣ, а потомъ на правой) дѣйствовали раздражающимъ образомъ; потомъ мы стояли уже спокойно. Представьте себѣ наше удивленіе, когда въ этомъ мѣстѣ, которое мы считали совершенно безопаснымъ, вдругъ падаетъ граната и гдѣ же? Между нашими орудіями! За ней другая, третья, наконецъ четвертая! Всѣ эти гранаты, летѣвшія къ намъ за 6—7 верстъ, ложились между лошадьми и ящиками и могли, конечно, причинить огромный вредъ, если бы дѣйствіе ихъ не было парализовано той страш-

ной дистанціей, на которую стрѣляли: снаряды падали почти вертикально и потому осколки ложились почти въ двухъ шагахъ отъ мѣста разрыва и имѣли слабое дѣйствіе. Одинъ снарядъ разорвало близко отъ госпиталя и убило санитаря; у насъ было все благополучно, но вышла вотъ какая оригинальная исторія: въ то время, какъ маркитантъ сидѣлъ между фурами, падаетъ близехонько снарядъ, его рветъ и осколокъ попадаетъ въ еврея! Думаль ли онъ проливать свою кровь за «братьевъ-славянъ»? Рана оказалась пустяшная: осколокъ оцарапалъ лысину, это я самъ видѣлъ. Стрѣляя по госпиталю, турки имѣли слѣдующія оправданія: во-первыхъ тутъ были и войска, во-вторыхъ, флагъ съ крестомъ не развѣвался на высокомъ шестѣ и не былъ, пожалуй, имъ виденъ.

Нужно было посмотреть, что было послѣ этихъ выстрѣловъ въ лоцинѣ; послѣ перваго же выстрѣла обозные суетливо стали убирать госпитальные шатры,—и всѣ обозы и лазаретныя линейки поспѣшили убраться. Намъ прислано было приказаніе идти дальше по дорогѣ, и, скоро, лоцина опустѣла. Около 4-хъ часовъ наша батарея пришла въ Оренджикъ, откуда все еще слышались выстрѣлы, но уже много слабѣе; тутъ, стоя среди поля, мы оставались въ невѣденіи относительно того, что совершалось кругомъ насъ. Теперь я, уже со словъ участниковъ, расскажу самый бой 24-го августа у селъ Кацелева и Аблавы, длившійся 11 часовъ.

Съ разсвѣтомъ турки начали свое движеніе влѣво; у насъ лѣвый флангъ, подъ командой генерала Арнольди, около Кацелева былъ очень слабъ,—тамъ было всего два баталіона и одна четырехъ-фунтовая батарея. Въ ожиданіи нападенія было послано за подкрѣпленіемъ и за девяти-фунтовой батареей. Вытянувшись влѣво, турки стали перестраиваться въ боевой порядокъ; командиръ батареи Нѣжинцевъ послалъ спросить генерала—«можно ли поздравить турокъ съ добрымъ утромъ, такъ какъ они въ сферѣ его выстрѣловъ?» Получивъ разрѣшеніе, онъ выпустилъ двѣ первыя гранаты, которыя и послужили сигналомъ къ бою. Сейчасъ же турки открыли страшный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Болѣе всего подверглась огню именно позиція генерала Арнольди; ее обстрѣливали и съ фланга, и съ фронта; вскорѣ батарея принуждена была сняться, такъ какъ ей иначе угрожала опасность лишиться орудій, и двумъ баталіонамъ Бендерскаго полка, безъ артилеріи, пришлось однимъ выдерживать натискъ массъ турокъ, которые, не встрѣчая орудійнаго огня, лѣзли все ближе и ближе! Къ нимъ, на счастье, подошли два баталіона Херсонцевъ, а ожидаемыхъ подкрѣпленій все нѣтъ, батареи тоже

нѣтъ! Турки сначала почти всѣ силы сосредоточили противъ этой позиціи, правую же у Аблавы они только обстрѣливали, и имъ удалось сбить этихъ храбрецовъ, эти немногіе баталіоны! Отрядъ Арнольди отступилъ и турки заняли его позицію. Какъ разъ къ этому времени и относится нашъ переходъ въ Оренджикъ и пальба по лоцинкѣ, такъ какъ турки поставили батарею гораздо ближе, чѣмъ мы думали, когда рассчитывали, что эти гранаты летятъ на 7 версты.

Захвативъ позицію на лѣвомъ флангѣ, турки направили всѣ силы противъ праваго фланга (Аблавы), но тутъ имъ не такъ легко было; не помогло имъ и то, что у нихъ было тысячъ 30, а нашихъ около 9! Разъ былъ моментъ, когда турки перешли уже долину Лома и бросились на Аблавскія высоты; въ этотъ рѣшительный моментъ два генерала: Дризень (Начальникъ нашей дивизіи вмѣстѣ съ тѣмъ общій начальникъ позицій у Кацелева и Аблавы) и Тимофѣевъ становятся во главѣ пѣхоты и ведутъ ее въ штыки. Дрогнули турки и, усѣявъ Аблавское поле трупами, побѣжали назадъ. Позиціи у Аблавы, не смотря на превосходство непріятеля, были удержаны. Турки остались на своихъ мѣстахъ, завладѣли только позиціей у Кацелева.

Знаете, сколько было турокъ противъ насъ? Это почти невѣроятно, но это вѣрно: турокъ было 48,000 пѣхоты, 2,000 черкесъ и 5,000 регулярной кавалеріи и арабовъ—всего 55 тысячъ противъ отряда менѣе чѣмъ въ 10 тысячъ. Орудій было около 60. Кромѣ того, недалеко стояли въ резервѣ 10 таборовъ, т. е. болѣе 5 тысячъ, которые въ дѣлѣ не были! Командовалъ самъ Мехметъ-Али-Паша.

Я уже говорилъ, что послѣ выстрѣловъ по лоцинѣ, всѣ обозы отодвинулись назадъ по дорогѣ къ Бѣлѣ, а батарея стала въ полѣ около деревни Оренджикъ; я также говорилъ, что мы ничего не знали о результатахъ боя, слушали все продолжавшіеся выстрѣлы и не могли предаваться особенному оптимизму, зная, что силъ противъ насъ очень много и видя, что уже распорядились отсылкой всѣхъ обозовъ назадъ къ Бѣлѣ. Поэтому понятно, что, когда мы видѣли прибывающія пѣхотныя части и слышали отъ нихъ объ отступленіи, то не зная, что это только кацелевскія войска, уже думали, что наши не удержались, и потому предавались самымъ мрачнымъ мыслямъ. Со стороны горизонта появлялись кучки казаковъ, плелись раненые; иной казакъ везъ перекинутый чрезъ сѣдло трупъ товарища, и какой ужасный видъ имѣли эти болтающіяся ноги и руки! Приѣхалъ какой-то казачій офицеръ; я разгово-

рился съ нимъ; онъ рассказывалъ про дѣло влѣво отъ Кацелева, говорилъ, что пѣхота отступила, но что послѣдній баталіонъ, оставшійся подъ командой Гапонова, отступалъ геройски, чуть не въ ногу, какъ на парадѣ. Въ отрядѣ Арнольди былъ, кромѣ того, драгунскій полкъ и три сотни казачьяго полка; кавалерія тамъ рѣшительно нельзя было дѣйствовать, но разъ, подъ конецъ, имъ, казакамъ, удалось пойти въ атаку на черкесь. Казаки сбили ихъ, но наткнулись на пѣхоту, потеряли около 80 человекъ и принуждены были отступить; потомъ ихъ съ драгунами чуть было не отрѣзали; имъ пришлось по лѣсной тропинкѣ отступать. Около 6-ти часовъ вечера выстрѣлы прекратились. Начался дождь; кто могъ, — залѣзъ въ лазаретную линейку. Наконецъ мы вспомнили, что цѣлый день у насъ ничего не было во рту. Появился маркитантъ, тотъ самый, котораго ранилъ осколокъ и, Господи, какъ же онъ началъ драть! Были у него маленькія булочки (галеты), за нихъ онъ бралъ $\frac{1}{2}$ франка! Потомъ на слѣдующій день онъ ходили уже по франку!

Сначала дождь только накрапывалъ, потомъ пересталъ. Между тѣмъ стали прибывать повозки съ ранеными. Для нихъ, какъ я говорилъ, былъ устроенъ перевязочный пунктъ въ лощинкѣ, но потомъ, тогда его оттуда убрали, то благодаря кустарнику нигдѣ не было мѣста, гдѣ бы его можно было удобно снова разбить. Пришлось импровизировать перевязочные пункты подъ открытымъ небомъ. Немного позже прибылъ интендантскій транспортъ, или вѣрнѣе были присланы ихъ повозки. Я пошелъ на одинъ изъ перевязочныхъ пунктовъ. Представьте себѣ маленькую балочку, по обоимъ скатамъ которой лежали подвезенные раненые; тутъ имъ дѣлали перевязки, здѣсь были три сестры милосердія, «братъ милосердія» и священникъ; всѣ они прибыли изъ отряднаго штаба. Раненыхъ все подвозили и подвозили; явилось опасеніе, что подвозъ не хватить на отвозъ ихъ дальше.

Пошелъ снова дождь и на этотъ разъ очень сильный, а кругомъ картина: какое-то мрачное поле, на одномъ краю котораго черкесская деревня; на фонѣ лѣсъ и Аблавскія высоты; кругомъ насъ подводы съ ранеными, невдалекѣ перевязочный пунктъ; по сторонамъ дороги подъ дождемъ отдыхаютъ уцѣлѣвшіе въ бою; кое-гдѣ еще бредутъ одинокіе люди и тихо подходятъ легко раненые.

Получено извѣстіе, что позиціи у Аблавы удержаны; имѣлось въ виду нашу батарею двинуть туда, но уже было поздно, дорога была загромождена повозками, лазаретными линейками и т. п. и мы остались среди поля.

Голодные и иззябшіе сѣли мы въ линейку; тамъ рядомъ съ нами больной воспаленіемъ кишекъ; несчастный мучается ужаснѣйшимъ образомъ, раздирая душу своими стонами. Когда обозы такъ неожиданно были отосланы назадъ, мы остались въ томъ, что было на насъ, а ночь обѣщала быть не только сырой и дождливой, но еще и очень холодной. На мое счастье въ линейкѣ попалась лишняя, забытая солдатская шинель и какъ-же я ей обрадовался! Уже наступала ночь и я, завернувшись въ шинель, подъ стоны больного, подъ завываніе вѣтра заснулъ крѣпкимъ сномъ.

25-го августа. Ночью я забрался въ самый дальній уголокъ линейки и лежалъ повернувшись спиной къ выходу. Рано утромъ я проснулся отъ какого-то шума. Сквозь сонъ я слышалъ, какъ фельдшеръ будилъ доктора, какъ часто упоминали имя Грома (больной). Я хотѣлъ было встать, но мнѣ сказали, что я кого-то задѣну, и чтобы подождать, пока вынесутъ. Оказалось, что ночью Громъ умеръ. Я лежалъ, не двигаясь, боясь его задѣть. Пришли два солдата, взяли его и потащили изъ фуры. Все это было такъ просто, а глаза его смотрѣли такъ страшно!

Сегодня по утру часть раненыхъ перевесли въ сарай и уложили на солому; часть же оставалась на полѣ у Кацелева, которое перешло во власть турокъ; за то и часть турецкихъ раненыхъ оставалась въ нашихъ рукахъ на полѣ у Аблавы. Вечеромъ произошелъ обмѣнъ раненыхъ; къ нашему удивленію нашихъ не мучали, нѣкоторые даже говорили, что ихъ укрыли шинелями (!).

Обмѣнъ происходилъ слѣдующимъ образомъ: турки выступали изъ лагеря, махая бѣлымъ флагомъ, на встрѣчу имъ вышла отъ насъ часть; тѣ показали, что они безъ оружія, наши тоже его сняли. Турки стояли по ту сторону Лома, наши по эту, и такимъ образомъ, передавали раненыхъ съ одной стороны на другую.

Сегодня приѣхали уполномоченные отъ «Краснаго Креста», устроили чай для раненыхъ, давали имъ закуску.

Потеряли мы въ этомъ дѣлѣ около 200 убитыми и около 1,000 ранеными.

Я писалъ, что бой начался двумя выстрѣлами съ батареи Нѣжинцева (у Кацелева), писалъ, что она попала подъ перекрестный огонь и скоро должна была отойти. На этой батарее адъютантъ нашей дивизіи, офицеръ генеральнаго штаба Воеводичъ, прекрасный человекъ, котораго вся дивизія любила, былъ убитъ осколкомъ гранаты. Хотѣли вынести его тѣло — убило гранатой носильщиковъ и

такъ его тѣло гдѣ-то пропало и до сихъ поръ не отыскано. Самого же Нѣжинцева постигла худшая участь: ему вырвало всю ногу и онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

Самыя большія потери, конечно, въ пѣхотѣ; въ артилеріи онѣ ничтожны; вотъ вамъ примѣръ: Аблавская батарея вела артиллерійскій бой въ теченіе 8-ми часовъ; ее обстрѣливали пропасть орудій, потери слѣдующія: 1 убитый, 4 раненыхъ и 7 убитыхъ лошадей. Это объясняется слѣдующимъ образомъ: турки ставятъ свои батареи очень далеко и, хотя у нихъ прекрасныя, дальнобойныя орудія, по все-таки, чтобы стрѣлять на эти громадныя дистанціи, имъ приходится придавать орудіямъ неимоверно большіе углы возвышенія, а при этомъ, дѣйствіе осколковъ слабо; кромѣ того много снарядовъ вовсе не разрывается.

Дождь продолжалъ идти; было очень холодно. Мы перешли въ какую то хату, и, усѣвшись вокругъ разложеннаго въ очагѣ огня, поочередно подставляли для согрѣванія то тотъ, то другой бокъ. Несмотря на огонь, въ хатѣ было все же очень холодно, такъ какъ ни стекло, ни рамъ въ окнахъ не было.

Начинались вторыя сутки, какъ мы ничего, кромѣ сухарей, не имѣли во рту. Солдаты были въ лучшемъ положеніи: они всегда имѣютъ съ собой чайникъ на сѣдлѣ, чай и сахаръ; мы воспользовались этимъ и съ наслажденіемъ напились сальнаго кипяточку.

Скажу нѣсколько словъ о занятой нами хатѣ. Вообще всѣ дома, будь то турецкій, болгарскій, черкесскій, устроены въ два этажа; нижній этажъ — конюшни для лошадей и скота, верхній жилой: мужская половина и гаремъ, гдѣ помѣщаются женщины и дѣти; если же домикъ маленькій, то гаремъ наверху, а мужская половина устраивается внизу, вмѣстѣ съ конюшнями. Окна разнообразныхъ размѣровъ и не симметричны; стекло въ употребленіи нѣтъ, ихъ замѣняетъ или бумага, или пузырь. Печь устроена очень низко на самомъ полу и комната, гдѣ печь, вѣроятно, служитъ сборнымъ пунктомъ семьи, гдѣ обитатели готовятъ себѣ и пищу. Здѣсь же и мы къ вечеру приготовили себѣ галушекъ. На ночь принесли соломы, разложили ее на полу около стѣнокъ и улеглись спать.

Мнѣ снится что то необыкновенно пріятное.

— «Вставайте скорѣй!» слышу я сквозь сонъ; открываю глаза и, увы, я въ черкесской саклѣ, вся комната въ дыму..., холодно, сыро.

— «Что, что такое?» — спрашиваю. Мнѣ сообщаютъ, что батарея уже сѣлается, что скоро — въ 6 часовъ — выступаетъ.

— «Куда же?»

— «Отступаемъ».

Узнаю, что предположено всей боевой линіи отъ Дуная до Аблавы отступить и занять новую линію, ближе къ Бѣлѣ...

26-го августа. Съ утра 26-го августа, какъ я говорилъ, началось общее отступление. Сегодня къ полудню мы пришли въ село Черница. Для бивака выпало прелестное ровное мѣсто. Дождя не было, солнышко ярко свѣтило. Намъ готовился сюрпризъ — принесли цѣлый мѣшокъ винограду!

27-го августа. Перешли на бивакъ у Батечка. Къ вечеру сюда пришло еще много войскъ, такъ что собралась, кромѣ насъ (бригада ген. Арнольди), еще цѣлая пѣхотная дивизія. Когда вечеромъ разжигаютъ огни, то совершенно видъ города.

28-го августа. Сегодня, наконецъ, пришли наши обозы, уславленные изъ-подъ Аблавы къ Бѣлѣ.

29-го августа. Сегодня панихида и аукціонъ послѣ Воеводича. Многіе покупаютъ на память мелкія вещи за значительную цѣну; пачку визитныхъ карточекъ мы всѣ разобрали на память.

30-го августа. Сегодня тезоименитство Государя и Наслѣдника; кромѣ того у насъ много именинниковъ во главѣ съ начальникомъ дивизіи. Цѣлый день слышны «ура», музыка, пѣсни.

31-го августа. Мимо нашего бивака прошли четыре, только что прибывшихъ съ Дону, полка; все спрашиваютъ: гдѣ же «турокъ», скоро ли увидятъ? Эти полки станутъ на мѣсто нашей дивизіи: дня черезъ два подойдутъ и ихъ конныя батареи; всю же нашу дивизію предположено смѣнить и поставить для отдыха и чтобы накосить сѣна. Аванпосты, разъѣзды измучили всѣ полки.

1-го сентября. Укладываемся идти въ Бельчево; на нашихъ мѣстахъ остаются новыя части, а мы идемъ отдохнуть и косить фуражъ.

2-го сентября. Только что пришли въ Бельчево и стали раскладываться, какъ пришло приказаніе сѣлать и перейти въ Беленово. Оказывается, что изъ штаба было передано ошибочное приказаніе идти въ Бельчево: для насъ назначено Беленово.

Л. Т. Богданскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).